

ИСТОРИОГРАФИЯ XX ВЕКА: ОТ КОНСТРУКТИВИЗМА К «ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ПОВОРОТУ»

И. А. Чурсанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 сентября 2010 г.

Аннотация: *статья представляет собой краткий анализ развития философской компоненты в теоретической историографии XX в. Прослеживается формирование проблемного поля в теории исторической науки, завершившегося «лингвистическим поворотом».*

Ключевые слова: *историография, критическая философия, конструктивистская гипотеза, «лингвистический поворот».*

Abstract: *the article analyzes evolution of philosophical component in theoretical historiography in XX-th century. We try to demonstrate the formation of problem background in the theory of history, which resulted in the so called «linguistic turn».*

Key words: *historiography, critic philosophy, hypothesis of constructivism, «linguistic turn».*

Историческая наука в современном социальном познании уже не занимает того парадигмального положения, которое она занимала в XIX – начале XX в., однако споры вокруг ее теоретико-эпистемологического статуса, связанные с так называемым «лингвистическим поворотом в историографии», доказывают важность проблемы обоснования научности истории. Мы ставим перед собой задачу проследить логику развития философско-исторической мысли конца XIX – начала XX в., приведшую к современной проблематике.

Если обратиться к теоретической историографии начала прошлого столетия, то очевидно, что она формировалась под влиянием такого интеллектуального течения, как неокантианство. Однако, как отмечает Н. Е. Копосов: «Кант служил ей (критической философии. – И. Ч.), одной из главных философских референций, но ее проблемный горизонт был уже иным» [1, с. 222] Действительно, главная интенция кантианской философии – активная роль познающего субъекта, с одной стороны, и фундаментальное противопоставление сферы необходимости, т. е. природы, царству свободы, где действуют морально ответственные индивиды, т. е. истории, – с другой, были восприняты критической немецкой философией как основополагающие моменты. Первый лег в основу конструктивистских тенденций в историографии, второй же дал возможность рассматривать историческую науку как противостоящую естествознанию и в предметном, и в методологическом поле. Однако

обнаружение «историзации субъекта познания», т. е. его зависимости от социокультурного контекста и связанной с этим необходимости в обосновании объективности такого познания, стало ведущей темой немецкой философии конца XIX в.

Сильнее всего конструктивистская интенция проявилась в позиции Баденской школы неокантианства, которая переставила акцент в различии истории и естествознания с предметного поля на методологию: «Не методы наук определяются спецификой изучаемых ими объектов, а сами эти объекты по-разному конструируются науками в зависимости от специфики их методов» [1, с. 237]. Принадлежащее Г. Риккертю противопоставление генерализирующему методу наук о природе индивидуализирующего метода отнесения к ценности в науках о культуре (под которыми в первую очередь подразумевается история) дает нам полное право говорить о том, что таким путем конституируется не объект исторической науки, а сама историческая действительность, ее особая данность. «Любое эмпирическое знание в исторической науке с необходимостью должно включать в себя теоретическое обоснование» [2, с. 21]. Однако каковы те априорные структуры разума, которые встраиваются в историческую действительность, делая ее доступной для теоретического познания, остается не разработанной темой в критической философии. Обоснование же объективности исторического познания происходит через совмещение субъекта и объекта – культура движется к самопознанию через свою собственную историю.

Аналогичным образом конструктивистская идея воплощается в концепции Р. Дж. Коллингвуда, который помещает ее в априорное «историческое воображение», с помощью которого мы только и можем сделать прошлое предметом изучения [3, с. 231]. Картина прошлого – это «некая сеть», сконструированная априорным воображением историка с опорой на определенные узловые моменты – свидетельства источников. Однако и эти последние элементы являются результатом критического подхода к фактическому материалу, т. е. историк в конечном итоге целиком конструирует историческую действительность, с которой имеет дело. Залог же объективности в данном случае в том, что априорная природа воображения не субъективна, не зависит от конкретного историка, ибо «идея, направляющая его деятельность, ясна, рациональна и всеобща. Это идея исторического воображения» [3, с. 237]. На этом Коллингвуд останавливается, не вдаваясь в подробности структурного анализа «априорного исторического воображения», тем самым возвращая нас к тем же позициям, на которых остановились неокантианцы.

Дальнейшее продвижение конструктивистской гипотезы находим в теоретических выкладках основателей школы «Анналов» – Л. Февра и М. Блока. Они заостряют внимание на том, что повествовательная модель исторической науки должна быть переосмыслена в проблематическом ключе. Историк, прежде чем приступить к исследованию, уже должен сформулировать тот вопрос или проблему, на которую он ищет ответ «<...> он не блуждает наугад по прошлому, а отправляется в путь, имея в голове определенный замысел» [4, с. 14]. Следовательно, сложившаяся в позитивистской историографии концепция факта подвергается жесткой критике, так как они – исторические факты – не являются «некими субстанциональными сущностями», которые можно «раскопать, почистить и подать современникам при выгодном освещении». Исторический факт всегда устанавливается, конструируется историком исходя из той проблемы, которая поставлена им в начале исследования. Сам исследователь также ограничен горизонтом исторического времени, ибо наука разрабатывается людьми, неразрывно связанными со своей социальной средой и эпохой. «Человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его. Это касается и такой абстракции, как отдельный человек, и такой реальности, как человек, являющийся членом общества <...> Он исходит из настоящего – и только сквозь его призму познает и истолковывает прошлое» [4, с. 21–22]. Представители школы «Анналов» приходят к тем же выводам, что и критическая немецкая философия, реальность как физическая, так и историческая воспринимается сквозь призму форм нашего разума. Однако ответа на вопросы, что это за формы и каким

именно образом они структурируют прошедшую реальность, мы не получаем и здесь.

Конструктивистская гипотеза оказалась востребованной в историографии конца XIX – первой половины XX в., но она ни одним интеллектуальным течением не дорабатывалась до логического завершения. Если постулируется тот факт, что картина исторического прошлого – это реконструкция в сознании исследователя, то необходимо было бы обозначить механизмы этой реконструкции и показать, каким именно образом она происходит. Вероятно, отталкиваясь именно от этого теоретического затруднения и, одновременно, учитывая достижения в структурной лингвистике и аналитической философии, стало возможным возникновение такого феномена, как «лингвистический поворот» в исторической науке.

Аналитическая философия истории обратилась к структуре исторического текста как такового, обратив внимание на то, что повествовательная форма в самой себе заключает объяснительные механизмы. Следовательно, обращать внимание нужно не столько на то, *что* рассказывается, но в большей степени на то, *как* это делается. В таком случае мы и идем по пути выявления и анализа тех структур разума (лингвистических в конечном итоге структур), которые в соответствии с конструктивистской гипотезой работают над воссозданием картины прошлой реальности. Западная философская мысль (благодаря, в частности, работам крупнейшего швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра) пришла к осознанию того, что язык не может быть абсолютно прозрачным. Язык автореферентен, т.е. в значительной степени он отсылает к самому себе. Мир, каким мы его знаем, таков, какова структура языка, на котором мы его описываем. Отсюда возникает новая проблема, которой почти не знает классическая философия истории: типы историографии можно различать не по их предмету, а по их лингвистической форме. Историописание может быть представлено как особый вид языковой практики, как отрасль литературы. Это и называется «лингвистическим поворотом» в исторической науке, и первым, кто применил методы литературной критики к историческому тексту, был Р. Барт.

Если мы обращаемся к историческому дискурсу с позиции лингвистического анализа, то вполне правомерна постановка вопроса о его специфическом характере: каким образом текст, повествующий о прошлой реальности, отличается от текста вымышленного – романа или драмы, например. Подвергнув такому анализу исторический дискурс, выраженный в тексте, Барт заключает, что он – исторический дискурс – по самой своей структуре представляет собой, прежде всего, идеологическую, точнее, воображаемую конструкцию. При этом «факт (историче-

ский. – И. Ч.) обладает лишь языковым существованием (как элемент дискурса)», хотя все происходит так, будто его существование – просто «копия» какого-то другого существования, имеющего «место во внеструктурной области, в «реальности»» [5, с. 438]. Происходит это в силу того, что референт изначально отделяется от дискурса, приобретая самодовлеющее значение, а потом вновь в него возвращается, вытесняя означаемое и сводя дискурс к двухуровневой структуре, включающей в себя непосредственное столкновение означающего с референтом. Если рассмотреть проявления данного процесса внутри самого исторического текста, то они отображаются в таких моментах, как эффект «отсутствия» субъекта высказывания, который проявляется в стремлении историка создать иллюзию «саморасказывающейся» истории. Это так называемый феномен «объективного дискурса», когда историк делает вид, что предоставляет говорить самому референту, но, как отмечает Барт, здесь «отсутствие знака само является значимым», тщательно подчеркиваемое устранение субъекта из дискурса наводит на некоторые выводы о роли такого «отсутствия» [5, с. 431]. Другой момент заключается в том, что если любой процесс может иметь утвердительный, вопросительный или отрицательный статус, то статус исторического дискурса всегда утвердительный, констатирующий, что отсылает нас к имплицитно подразумеваемому положению о том, что исторический факт «обладает лингвистической привилегией бытия», т. е. рассказывает только о том, что было. Иными словами, исторический дискурс, по Барту, не знает отрицания, и историк, в таком случае, напоминает, как ни странно, больного психозом, который не в состоянии сформулировать отрицательного высказывания: «Можно сказать, что в известном смысле «объективный» дискурс (как в позитивистской истории) смыкается по своей ситуации с дискурсом шизофреническим» [5, с. 434].

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что в «объективной» истории «реальность» всегда представляет собой лишь неформулируемое означаемое, скрывающееся за кажущимся всемогуществом референта. Такая ситуация характеризует, по Барту, то, что можно назвать «эффектом реальности».

«Эффект реальности» создает впечатление, что историческое повествование – это рассказ о внешнем мире, о внеязыковом пространстве, однако достигается это сугубо лингвистическими приемами, свойственными одновременно и историческому, и литературному тексту. Р. Барт для сравнения приводит отрывок из романа Флобера с представленным в нем описанием комнаты и текст Мишле, повествующий о последних событиях перед казнью Шарлотты Кор-

де. В первом случае говорится, что на старом фортепьяно под барометром была сложена пирамида из коробок и картона, во втором, – что после ухода художника, рисовавшего портрет приговоренной к смертной казни, за ее спиной раздался тихий стук в небольшую дверцу. В обоих приведенных примерах Барт обнаруживает лингвистические элементы, которые, по его словам, никогда раньше не включались в структурный анализ по причине своей незначительности. На это последнее он и делает упор. Любой, как он выражается, «обычный западный повествовательный текст» содержит в себе вот такие незначительные, или даже излишние структуры, которые философ называет *примечаниями*. Их Барт противопоставляет основному содержанию, которое носит *предсказательный* характер, т. е. дает представление о дальнейшем развитии сюжета, с точки зрения которого примечания и являются «излишествами» [6, с. 392–394]. Так, что касается приведенного отрывка у Мишле, то само по себе значимо, что за художником пришел палач: «...не важно, ни какой величины была дверца, ни где она располагалась». Но это присутствует в тексте, в историческом, надо отметить, тексте. Оказывается, именно примечания и отсылают нас к реальности, так как предсказательные компоненты формируют означаемое, они явно конструируются историком и могут вызвать недоверие, а в примечаниях прошлое как раз открывается таким, каким оно было: «Неделимые остатки, образующиеся при функциональном анализе повествования, отсылают всякий раз к тому, что обычно называют «конкретной реальностью» (мелкие жесты, мимолетные позы, незначительные предметы, избыточные реплики). Таким образом, чистое «изображение реальности», голое изложение «того, что есть» (или было) как бы сопротивляется смыслу, подтверждая тем самым распространенную мифологическую оппозицию пережитого (то есть живого) и умопостигаемого» [6, с. 397–398]. Эффект реальности достигается именно напряжением между примечаниями и предсказательными структурами, выражающими значение. Реальность прошлого в конечном итоге тоже эффект, созданный историческим текстом.

Как мы убедились, появившаяся в конце XIX в. конструктивистская гипотеза в историографии послужила основным двигателем в эволюции философско-исторической проблематики. Однако помимо такого открытия, как необходимость реконструкции картины прошедшей реальности сознанием историка, она поставила проблему исследования структур этого сознания и механизмов их воплощения в построении исторического дискурса. «Лингвистический поворот» и стал ответом на эту проблему, поставив при этом под вопрос самостоятельность исторической науки как таковой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Копосов Н. Е.* Как думают историки / Н. Е. Копосов. – М., 2001. – 326 с.
2. *Блюхер Ф. Н.* Философские проблемы исторической науки / Ф. Н. Блюхер. – М., 2004. – 197 с.
3. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории : автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М., 1980. – 482 с.
4. *Февр Л.* Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991. – 627 с.
5. *Барт Р.* Система моды : статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М., 2003. – 512 с.
6. *Барт Р.* Избранные работы : семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994. – 616 с.

Воронежский государственный университет

Чурсанова И. А. аспирантка кафедры истории философии

E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru

Тел.: 8-952-541-77-07

Voronezh State University

Chursanova I. A., Post-graduate Student of the History of Philosophy Department

E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru

Tel.: 8-952-541-77-07